

НА БЕССРОЧНОЙ СЛУЖБЕ У АВИАЦИИ И КОСМОНАВТИКИ

Шибанов Г.П. – в 1-м ряду, 3-й справа. Мемориальный комплекс «Крыло Икара» ГЛИЦ имени В.П. Чкалова

Продолжение, начало в №3-2019

К 90-летию со дня рождения ведущего научного сотрудника ГЛИЦ имени В.П. Чкалова Георгия Петровича Шибанова, генерал-лейтенанта, доктора технических наук, профессора, действительного члена международных академий авиации и информатизации, заслуженного деятеля науки и техники РФ.

1920-1940-е годы. Детство. Юность. Взросление

Моя служба в Вооружённых силах началась на Южно-Балтийском флоте в качестве матроса-стрелка. Пройдя кратковременную подготовку в школе оружия флота, я попал в дивизион торпедных катеров, где на первых же учебных стрельбах по щиту, который буксировал эсминец при волнении моря в 4 балла, получил «двойку». Все выпущенные мной из пушки 40 снарядов попадали в гребень волны, возникшей перед щитом. При этом в наушниках я слышал тирады возмущения, ответить на которые не мог, поскольку ларингофона, к которому привык в аэроклубе, здесь почему-то не было. Микрофон, которым я должен был для этого воспользоваться, находился на поворотном узле за моей головой, и требовалось повернуть его ко рту. Но я этого не знал.

Казус произошёл лишь потому, что на наш катер прибыл поверяющий, и все члены экипажа должны были занять свои посты в соответствии со штатным расписанием. А по нему я числился матросом-стрелком, хотя фактически исполнял обязанности моториста-механика, поскольку хорошо знал стоявшие на катере авиационные двигатели. По посту же, где я числился по штату, никто со мной никаких занятий не проводил, и тем более по стрельбе и обеспечению связи в штормовых условиях.

В конце летнего периода обучения 1950-го года в нашу часть из штаба флота пришла разрядка на поступление в ряд морских и авиационных училищ. К сожалению,

в лётные училища разрядки не было, и я согласился на поступление в Киевское военное авиационно-техническое училище. Помня мои «успехи» на учениях, командование дивизиона не стало чинить препятствий.

Поскольку я прибыл в училище, уже прослужив в Вооружённых силах некоторое время, то меня решили сразу же назначить командиром отделения. Но на этой должности я продержался недолго, поскольку командир учебной роты обвинил меня в панибратстве с подчинёнными. Должность рядового позволяла мне больше внимания уделять спорту и освоению программы училища. Я входил тогда в сборную училища по плаванию и прыжкам в воду, а зимой в команду лыжников. Как кандидат в мастера спорта руководил секцией бокса.

Окончил училище с отличием. От предложения остаться в нём инструктором отказался и был направлен в Венгрию. Однако на станции Чоп пограничники при проверке документов сказали, что мне приказано ехать в Москву, в Главный штаб Военно-воздушных сил. Передали проездные и командировочное предписание до Москвы. Через час я уже сидел в поезде, направлявшемся в Москву, а еще через двое суток – в поезде Москва-Владивосток с командировочным предписанием в штаб воздушной армии, размещавшийся в городе Уссурийске. Там получил назначение в истребительный авиационный полк, который базировался в селе Чернышевка Анучинского района Приморского края, где и началась моя служба в качестве авиационного техника.

Но не прошло и месяца, как в Китай улетел на вертолёте один из техников. Китайцы, хотя и были с СССР в дружбе и вели совместные с нами боевые действия в Корее, но ни вертолёт, ни техника нам не вернули. Выяснилось, что этот техник имел свидетельство пилота-спортсмена. Поэтому по решению командующего армией, кадровики собрали в Уссурийске всех техников, которые самостоятельно летали ранее в аэроклубах. Таких оказалось 16 человек. Через двое суток всех по одному, по два отправили в разные лётные училища на переподготовку для службы в последующем в качестве лётчиков.

Я попал в учебно-тренировочный авиационный полк Качинского ВАУЛ, который в то время летал с аэродромов в Мичуринске и Моршанске. Самолёт МиГ-15 я хорошо знал и как авиационный техник, и как курсант аэроклуба, которому довелось до этого полетать на нём. Полёты в процессе переподготовки проводились весьма интенсивно. Поэтому уже через четыре месяца с налётом около 110 часов я был отправлен обратно в Уссурийск.

В полку я начал осваивать программу ввода в строй, которая для меня закончилась неудачно. 13 апреля 1953 года на самом северном участке границы Северной Кореи с территорией СССР мой самолет был подбит американским истребителем. Нарушилась работа двигателя и отказала радиосвязь. По-видимому, боеприпас попал в одну из камер сгорания, поскольку появились шлейф дыма и характерные хлопки. Но самолёт на бреющем полёте шёл устойчиво и послушно выполнял развороты по курсу с малым креном. Я попробовал тянуть до своего аэродрома, но мне это не удалось. Пришлось садиться на мелколесье в одной из долин между западными отрогами хребта Сихотэ-Алинь, всего в 40 км от своего аэродрома.

Не успел я откинуть фонарь и покинуть кабину, прихватив с собой носимый аварийный запас (НАЗ), как минуты через три, когда я уже достиг двух толстых деревьев, раздался взрыв, и с деревьев полетели осколки коры и сучья. Попытка использования приёмопередатчика, входившего в состав НАЗа, для доклада командованию о случившемся и о моих координатах успехом не увенчалась. То ли подсел источник питания, то ли сама радиостанция оказалась неисправной... Принял решение – идти прямо на аэродром через небольшой хребет, вдоль западных предгорий которого протекала река Даубехе.

Но первые же шаги в этом направлении убедили меня, что преодолеть данный маршрут я не смогу: мало того, что на пути встал непреодолимой стеной сильнейший бурелом, но ещё и снег лежал в тайге по пояс. Днём он подтаивал и проваливался, а ночью подмерзал до наста. В меховой лётной одежде ночью было хорошо, а днём ручьём лил пот. Пришлось идти по распадкам, хотя и там снега было по колено. Однако ночью он подмерзал твёрдой коркой, по которой с рассветом можно было часа четыре идти не проваливаясь. Я направился на охотничье зимовье, которое было отмечено на моей карте.

Первые сутки после аварийного приземления спал на валёжнике. Пистолет ставил на боевой взвод. Но подумав, решил, что во время сна при неудачном повороте на бок может произойти непроизвольный выстрел, и если пуля попадёт в ногу, то я навсегда останусь в уссурийской тайге. Поэтому на вторые сутки пистолет оставил на предохранителе. Удивительно, но никаких следов зверей и птиц не встречал, и даже спелая актинидия и лимонник, висевшие гроздьями на лианах, не были тронуты птицами. Была полнейшая тишина, и это стало настораживать меня. Потом мне уже объяснили, что вся живность предпочитает среднюю часть хребта, где произрастает кедр и несколько видов уссурийского ореха.

До зимовья добирался шесть суток. Перед подходом к нему обнаружил сравнительно свежие следы медведя, но, помня наставление известного медвежатника, председателя нашего таёжного колхоза Калашника Ивана Венедиктовича, у которого я проживал, решил по ним не идти – они вели прямо к зимовью. Как он объяснял всем офицерам-холостякам, которые жили у него, если медведь почует, что за ним кто-то идёт, то начнёт делать «большое кольцо» и в конечном итоге незаметно выйдет на того, кто идёт за ним.

В зимовье оказались два охотника. Они сказали мне, что в районе зимовья бродит самец-шатун и с ним встречаться нежелательно. Охотники угостили меня жареной олениной и крепким ароматным чаем с лимонником. По радиостанции зимовья связался с командованием и доложил о том, где я нахожусь и о своём «путешествии»... Через два часа за мной прибыл вертолёт звена управления и связи полка.

Через сутки после обстоятельной беседы со мной представителя Особого отдела полка для проверки моих показаний к месту взрыва моего самолёта на вертолёте была направлена группа специалистов, которая подтвердила случившееся и определила причину взрыва самолёта после его приземления на фюзеляж (без выпуска шасси). В акте комиссии было указано, что лётчик в сложившихся

условиях действовал грамотно.

1960-е годы. Поступление в академию. Создание семьи. Учёба

В конце июня 1953 года официально закончилась война в Корее. Тем офицерам-дальневосточникам, которые пожелали поступать в академии на дальнейшую учёбу, разрешили сдавать вступительные экзамены. Они проводились в два этапа: первый – на аэродроме «Сокол» (о. Сахалин), где оказалось более 300 претендентов, прибывших туда с Чукотки, Камчатки, Курильских островов, с Ляодунского полуострова, из Приморья и Хабаровского края. Второй этап через несколько месяцев после первого был организован в Уссурийске. Для сдачи экзаменов были допущены уже менее 150 офицеров, в том числе около 40 – из строевых частей ВВС.

И на первом, и на втором этапах экзамены проводились так, чтобы в академии всех видов Вооружённых сил уехало как можно меньше кадровых офицеров, т.е. как можно больше осталось их в строевых частях ДВО. Это и понятно, поскольку к экзаменам допускались лишь наиболее подготовленные офицеры, которые составляли костяк среднего командного состава. По-видимому, потому, и на первом, и на втором этапах сдачи вступительных экзаменов на подготовку к экзамену отводилось не более суток.

Накануне сдачи последнего экзамена устроили заседание мандатной комиссии для абитуриентов, поступавших в Военно-воздушную и в Военно-воздушную инженерную академии. К тому времени из таковых осталось всего 15 офицеров. Мне было сказано, что, если я сдам экзамен по иностранному языку на 5, то буду принят в ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского. Я честно сказал, что на 5 его не сдам. Председатель комиссии подполковник Бобровников заявил, что надо сдать этот экзамен хотя бы на 4. Тогда я попросил переписать меня с немецкого на английский язык, т.к. в Московском вечернем машиностроительном институте и в училище изучал английский. Оба языка знаю посредственно.

Не успел я выйти из зала заседания мандатной комиссии, как ко мне подошёл капитан с узкими медицинскими погонями и спросил: «Ну, как дела, «летун»? Я сказал, что плохо. Тогда он предложил мне поехать без каких-либо дополнительных экзаменов в Академию им. академика Скрябина. Я спросил его, где она находится? И из его уст прозвучало: «Как где?! В Москве!! Это же академия с мировым именем!!! – Твои документы, заявил он, – я у вашей мандатной комиссии сегодня заберу, а сейчас выпишу тебе проездные до Москвы и командировочное предписание».

В этот момент из зала заседаний мандатной комиссии вышел один из её членов – капитан Гальперин и спросил меня: «Чего ты торчишь здесь? Готовиться надо к экзамену!». Я ответил ему, что мне без всякого экзамена предлагают поехать в Москву в какую-то академию. Гальперин сказал капитану-медику, что моих документов он не получит, а мне заявил, что «нельзя предавать авиацию, которой ты уже полжизни своей короткой отдал». Затем добавил: «Завтра в 9.00 чтобы был на экзамене!».

Принимала экзамен молодая женщина в общевойсковой форме в звании старшего лейтенанта, на груди которой блестела звезда Героя Советского

Союза. Поначалу я от этого опешил, но вытянул билет и попросил лежавший около неё учебник английского языка Шевалдышевой, поскольку мне необходимо было в соответствии со вторым вопросом билета, перевести одну из напечатанных там статей (про Куйбышева).

После того, как я озвучил всё, что знал по первому вопросу и перевёл текст статьи, она спросила: «Где Вы осваивали английский?». Я ответил ей, что как раз у автора данного учебника, но что мои познания весьма скудны. Мне повезло лишь в том, что по билету попалась для перевода статья, которую я уже переводил по заданию Шевалдышевой, строгость которой всех её подопечных всегда «кидала в дрожь». «Я тоже была одной из её подопечных, и эти чувства мне знакомы», – заявила она.

Вечером всех офицеров, сдавших вступительные экзамены и зачисленных на первый курс ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского, собрали в зале, где накануне проходило заседание мандатной комиссии. Таких, кому, как мне, повезло, оказалось всего семеро. Нас поздравили с зачислением в состав слушателей академии и каждому вручили соответствующие бумаги, подтверждающие данный факт. В опечатанных конвертах мы должны были вручить их лично командирам своих строевых частей.

К месту дислокации родного полка я прибыл на следующий день в приподнятом настроении. Однако уже через час был озадачен беседой, которая состоялась у меня с командиром полка. Он сказал мне о том, что из Хабаровска, где размещался штаб Дальневосточного военного округа, вернулось в полк представление на присвоение мне звания старшего лейтенанта. На нем рукой маршала Советского Союза Малиновского Р. Я. было написано: «Как можно представлять к очередному воинскому званию личность явно аполитичную?». Эта бумага была включена в опись документов, входивших в моё личное дело. Командир предложил изъять её из дела, но оставить в строевом отделении до того момента, пока я не закончу первый курс Академии, – он не сомневался в том, что из нее неизбежно будет отправлен в полк запрос на эту бумагу. Меня же командир полка предупредил, чтобы я помнил об этом и учился как можно лучше.

Возвращаясь к истокам появления упомянутой выше резолюции маршала Малиновского на представлении меня к очередному воинскому званию, могу отметить лишь непорядочность политработников и представителя Особого отдела полка. Все неприятности начались с того момента, когда в конце 1952 года в полк из штаба округа прибыл проверяющий по политической подготовке личного состава в звании подполковника. В новой чистенькой форме с красными кантами он был немлым укором всему личному составу полка, поскольку тыловыми органами полк снабжался одеждой, в том числе и лёгкой из тех запасов, которые остались ещё после окончания Великой Отечественной войны и разгрома Квантунской армии.

Заместителем командира полка по политической части этот проверяющий был направлен на политзанятия в группу рядовых и сержантов, где я доводил до них содержание 2-й главы Краткого курса ВКП (б). После моего доклада о теме занятий и о составе группы он спросил: «Почему люди одеты в рабочие комбинезоны, а некоторые и в гимнастёрки старого образца

без погон, и сами Вы почему не в выходной форме одежды?». Я ответил ему, что у меня и у них нет другой формы. Все одеты в то, что нам официально выдано на складе тыловыми органами. На этот ответ он только покачал головой и сказал: «Ну и ну...!».

Далее он спросил меня: «Кого можно озадачить по рассматриваемой теме?». Я ответил, что любого из присутствующих. Он тогда выбрал сидевшего в углу на последнем ряду здорового парня, который до призыва в армию жил на таёжной заимке и до этого даже паровоза не видел. Он родился в семье староверов, где убийство человека считалось великим грехом. Посему при прибытии в нашу войсковую часть он упорно отказывался от винтовки и от автомата, которые, как полагал он, толкают его на убийство людей. Командованию ничего другого не оставалось, как использовать на кухне в качестве подсобного рабочего, что он и исполнял с великой охотой и пользой.

Поскольку на занятиях речь велась о Кратком курсе ВКП(б), основным автором которого считался тов. Сталин И.В., то проверяющий сформулировал выбранному им рядовому первый вопрос так: «Какие посты занимает наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин Иосиф Виссарионович?». Парень долго молчал иверяющий начал подсказывать ему: «Ну..., кто он, ну... Генеральный... секретарь... Всесоюзной... Коммунистической... партии большевиков; ну... кто он ещё...?... Председатель Совета... ну?... Министров;... ну? Какие ещё посты занимает он?... ну? И вдруг парень, наконец-то заговорил: «Ну, он вроде как царь, всем заворачивает!». Проверающий аж присел и втянул шею в плечи.

Занятия прекратили. Меня проверяющий попросил пройти вместе с ним к замполиту полка, а тот вызвал ещё представителя Особого отдела полка в звании младшего лейтенанта КГБ. Затем все решили перейти в казарму. Уселись на койку солдата, который «присвоил» тов. И.В. Сталину звание «царь». Вызвали виновника данного «заседания», которому младший лейтенант сразу же задал вопрос: «Тебе лейтенант давал что-нибудь читать по теме сегодняшних занятий?». Ответ: «Давал». Вопрос: «Что конкретно?» Ответ: «А что такое конкретно?». Вопрос: «Не крути!!!». Ответ: «Чего крути?». Далее – на повышенных тонах: «Лейтенант давал тебе читать какую-нибудь книгу или нет?». Ответ: «Давал!». Вопрос: «Какую?». Ответ: «Такую вот серенькую с синим квадратом посерединке». Вопрос: «А какое название у неё?». Ответ: «Не припомню...» Вопрос: «Ты читал её?». Ответ: «Читал, но я не шибко знаю грамоту – на сон тянет...». Солдата отпустили.

Весь гнев далее со стороны «особиста» был направлен в мою сторону. Из его рта аж брызги пены появились. «Долетался!!! – кричал он мне. – Великое творение товарища Сталина Иосифа Виссарионовича «Краткий курс ВКП(б)» твой воспитанник назвал «серенькой» книгой. Как ты мог допустить такое?!». Я вынужден был напомнить ему, что, во-первых, не надо мне «тыкать», во-вторых, и забывать не надо, что я выше его по воинскому званию, а в-третьих, солдат имел в виду цвет книги, а не содержание её, поскольку по своей неграмотности он не мог её оценить принципиально. А далее я заявил, что мне лично непонятно, «зачем Вам понадобилось искажать истину и искать врагов отечества, где их нет?!».

Сентябрь 1959 года после окончания учебы в ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского. Слева направо: мой отчим – Конончук Николай Исидорович, я, брат Аркадий. В центре сидят сестра Татьяна и наша мать – Надежда Никитична

После такого моего высказывания «особист» буквально взорвался и заорал на всю казарму: «Я тебе это припомню, пацан!!! А чтоб ты в курсе был, – заявил он, – младший лейтенант КГБ или МВД равен старшему лейтенанту ваших ВВС, понял?!!!!» – заорал он и забился в истерику. После проведенной с солдатом и мною «задушевной беседы» вдогонку к моему представлению к очередному воинскому званию, по-видимому, ушла в вышестоящий штаб какая-то бумага, а может был и соответствующий звонок по спецсвязи.

Как бы там ни было, но я прибыл в Москву и был направлен для учёбы на факультет авиационного вооружения ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского.

К тому времени прошло уже шесть лет с момента моего знакомства с будущей супругой. За этот период времени мне довелось послужить матросом на флоте, окончить авиационно-техническое училище и пройти переподготовку в Качинском училище лётчиков. Она же к моменту моего возвращения в Москву успела окончить институт и начала работать. Начало моей учёбы в академии по существу совпало с моментом официального создания нашей семьи. Мы с ней расписались в Ленинградском ЗАГСе Москвы 6 ноября 1954 года и стали жить в комнате моего отца на Ленинградском шоссе. В это время родители моей жены ютились в трёхэтажном бараке, где занимали комнату площадью 14 кв. метров на 8 человек.

В октябре 1956 года у нас появилась дочь Лена, и супруга моя полностью окунулась в домашние заботы. Пришлось ей на какое-то время работу оставить. В 1956 и 1957 годах все репрессированные, как по линии отца, так и по линии матери, были реабилитированы.

Возвратимся теперь к тому, что происходило в академии. Примерно через полгода ко мне обратился замполит факультета, озабоченный тем, что в моём личном деле отсутствует числящийся по описи проект представления к очередному воинскому званию и на запрос из части, где я служил, никакого ответа нет. Я ответил ему, что об этом документе у меня никаких сведений нет. Кстати, за прошедшие полгода произошли серьёзные изменения в руководящих кадрах Министерства обороны СССР – на пост министра обороны был назначен Малиновский Р.Я.

Поэтому после окончания первого курса и перевода меня на второй курс, когда пришёл, наконец, «утраченный» документ, возмущению политработников факультета и академии в целом не было предела.

По их настоянию, на втором курсе я был оставлен условно и оклад я имел лишь по воинскому званию. Поскольку его я закончил так же на круглое «отлично» и не имел никаких взысканий, то на третий курс был переведен без каких-либо условий и оклад мне был восстановлен в полном объёме. Однако из-за жёстких финансовых ограничений, которые испытывала наша семья при моей учёбе на втором курсе, пищевой рацион мой свёлся в основном к хлебу, поджаренному на подсолнечном масле, к картошке и пшённой каше. Правда, в секрете от меня отец подкармливал мою супругу, особенно после того, как узнал о её беременности. Такое моё питание при предельной умственной, психической и физической нагрузках привело к тому, что к окончанию второго курса я заболел туберкулёзом.

Трудно представить себе горе моей беременной супруги. Но она, родившаяся в крестьянской семье и испытывавшая на себе всяческие невзгоды ещё в раннем детстве, стойко перенесла свалившиеся на её голову напасти. После окончания второго курса во время каникул меня направили в туберкулёзный диспансер

Назначение после окончания академии. Служба в Люберцах

После окончания академии в 1959 году и присвоения звания «старший лейтенант-инженер» я получил назначение в Научно-исследовательский институт эксплуатации и ремонта авиационной техники ВВС (НИИ ЭРАТ ВВС), в котором уже дважды до этого поработал, когда он имел ещё название «77 Военная база ВВС» и затем «Центральная научно-экспериментальная база ВВС». В первый раз, как отмечалось выше, я был направлен туда из детдома в качестве воспитанника в конце 1942 года и работал слесарем до конца 1943 года. Во второй раз, после окончания авиационного техникума, работал там с 1948 года в качестве слесаря 5-го разряда, а затем старшего техника-конструктора до середины 1949 года.

Супруга моё назначение в этот НИИ восприняла как дар божий. В 1960 году мы переехали в Люберцы на частную квартиру поближе к месту моей службы. В деревянном доме, который мы снимали по одной комнате с лётчиком-испытателем ОКБ им. М. Миля Швачко Юрой и его супругой Лидой.

Их дочь была почти ровесницей нашей Лены. Поэтому всё складывалось как нельзя лучше. И моя супруга, и Лида устроились на работу в нашу организацию и каким-то образом ухитрились подменять друг друга в нашем «детском саду». Но вскоре Юра погиб в Индии, спасая людей во время стихийного бедствия, и жизнь нашего «объединённого» семейства существенно изменилась в худшую сторону.

В конце 1961 года Лида Швачко с дочкой, а затем и мы, в начале 1962 года, переехали в Люберецкий гарнизон, где она получила однокомнатную, а мы двухкомнатную квартиру на 3-м этаже дома № 18. К нам, и уже до конца своей жизни, переселилась мать супруги,

Главного медицинского управления Вооружённых сил, располагавшийся в г. Пушкино Московской области. Интенсивное лечение при хорошем специализированном питании привело меня к полному излечению от этого недуга, что и было отмечено в моей медицинской книжке. Третий курс, также как первый и второй, я окончил на «отлично». Однако о представлении меня к очередному воинскому званию «старший лейтенант» и речи никто не заводил, пока министром обороны оставался Р.Я. Малиновский. Несмотря на то, что и училище, и академию я окончил с отличием, звание старшего лейтенанта мне было присвоено лишь через семь лет после присвоения первичного офицерского звания «лейтенант».

Перед окончанием академии мною была подготовлена первая большая научно-техническая статья «Моделирование процесса распределения температуры на внешней и внутренней поверхностях стенки контейнера из теплоизоляционного материала», применительно к ядерным объектам, которыми занималась кафедра, возглавляемая генералом Покровским Г.И. Данная статья была в 1960 году опубликована в Научно-методическом сборнике № 23 ВВИА им. проф. Н.Е. Жуковского. Мне было предложено продолжить исследования по данной тематике в адъюнктуре академии, но в стенах академии мне больше оставаться не хотелось.

которую я официально взял на своё иждивение после смерти тестя ещё в 1960 году. Жизнь наша стала стабильной и спокойной, поскольку теща взяла на себя все домашние заботы. Мой оклад вместе с зарплатой у супруги были достаточны для нормальной жизни.

В июле 1962 года у нас родилась вторая дочь – Наташа. Супруга на два года ушла в отпуск по уходу. Отец же мой в это время решил перебраться поближе к нам и поменял комнату, в которой мы ранее жили во время учёбы в академии, на квартиру в г. Лыткарино.

В 1964 году нашей семье предоставили трехкомнатную квартиру в новом доме гарнизона (№ 26). Служба шла своим чередом. Но осенью следующего года в нашей семье произошло несчастье с супругой. Она входила в сборную команду гарнизона по волейболу. На первенство среди команд ВВС проходила игра на центральном стадионе г. Люберец. В это время из вентиляционных труб Люберецкого деревообрабатывающего комбината, минуя очистные сооружения, выпускалась мелкодисперсная стружка (пыль) от твёрдых пород дерева, которая возникла при производстве «кремлёвского» паркета. В это же время металлургический цех завода им. Ухтомского выпускал, также минуя средства очистки, газ. Роза ветров в этот злосчастный день была такой, что смесь мелкодисперсной древесной пыли с высокотоксичным газом образовала облако над стадионом.

В результате несколько спортсменок почувствовали себя плохо, и игра была прекращена. Команда на автобусе была привезена в гарнизон, и супруга, несмотря на плохое состояние, пошла домой. Я же после полётов на вертолёт Ми-4, связанных с испытаниями новой системы связи в приподнятом настроении пришёл домой. Открыл дверь и увидел свою супругу в углу прихожей на

парашютной укладке, с головой, запрокинутой назад. Она была без сознания... Я тут же вызвал скорую помощь, которая прибыла буквально через несколько минут. Восстановили сознание, но с признаками астмы пришлось её госпитализировать. Врачи заявили о необходимости ежегодной санаторной профилактики. После этого супруга была вынуждена ежегодно в осенне-зимний период выезжать в санатории на Северный Кавказ или в Крым. Несмотря на это, приступы астмы проявлялись на протяжении всей её жизни. Когда же она была в нормальном состоянии, то мы на пару пели русские народные и современные лирические песни.

В 1965 году моя служба в НИИ ЭРАТ ВВС (после третьего назначения в данную организацию) ознаменовалась защитой кандидатской диссертации.

За прошедшие после окончания академии 6 лет мною было получено 11 авторских свидетельств на изобретения, выпущено два отчёта о научно-исследовательских экспериментальных работах, положительные результаты которых были подтверждены в ходе проведенных при моем участии летных испытаний и опубликовано 12 научно-технических статей.

В последующем, до 1968 года включительно, было получено ещё 14 авторских свидетельств на изобретения и опубликовано 10 научно-технических статей. Выпущен отчёт по комплексной НИР. Наша организация в этой работе выступала в качестве головной. В данной работе было задействовано 26 соисполнителей. Я же был ответственным исполнителем этой работы. Практически все полученные за этот период изобретения были внедрены в авиационной промышленности.

В эти годы были отработаны принципы построения бортовых систем контроля и технической диагностики авиационных газотурбинных двигателей и различных систем летательных аппаратов, имевших самостоятельное функциональное назначение. В соответствии с этими принципами разработаны математические модели и весьма эффективные алгоритмы контроля и технической диагностики таких систем и силовых установок. Изготовлены экспериментальные образцы различных средств автоматического контроля и проведены их всесторонние испытания как в наземных условиях, так и в полёте.

С целью сокращения объёма памяти вычислительных средств, входивших в системы распознавания наземных объектов в реальном масштабе времени, предложено их изображения аппроксимировать кривыми второго порядка, что позволило фотосъемку с самолета-разведчика вести при любых ракурсах и сдвигах распознаваемого объекта относительно положения фотообъектива средства съемки, принятого за эталонное, и уменьшить объём памяти соответствующих вычислительных средств на порядок.

Было установлено, что любую кривую можно аппроксимировать девятью типами участков, каждый из которых может быть закодирован четырьмя цифрами «0» и «1». Это позволило обеспечить автоматический контроль за действиями лётчика при его работе, связанной с изменением режимов работы силовой установки, и существенно снизить неоправданный расход топлива. Моей супругой было показано, что при таком кодировании кривых и задании программы работы станков с числовым программным управлением в виде кривой, возможна полная автоматизация их работы без вмешательства оператора.

Среди выполненных с моим участием работ выделяется решение задачи, поставленной Главнокомандующим ВВС Кутаховым П.С. после установления факта отсутствия надёжной связи между армейскими вертолётами и танками. Поскольку в авиации и в сухопутных войсках

использовались разные частоты на связанных радиостанциях, то пришлось на вертолётах установить петлевые антенны с автоматически изменяемой длиной, что обеспечивало автоматическую подстройку авиационных радиостанций ко всем частотам радиостанций сухопутных войск. Совместно с майором Ф. Штефаном система связи с такими антеннами была испытана в полёте на вертолётах типа Ми-4. По данной системе было получено три авторских свидетельства на изобретения.

На уровне изобретений были выполнены и другие названные мной выше работы. Поэтому после защиты кандидатской диссертации мне через два года вручили аттестаты старшего научного сотрудника и доцента. Командование представило меня к почётному званию «Заслуженный изобретатель РСФСР». По постановлению Верховного Совета РСФСР данное звание было присвоено мне в январе 1970 года, когда я уже находился на новом месте службы.

Дело в том, что в конце 1968 года из Главного управления кадров Минобороны приехала комиссия. В ходе проверки она установила, что занимаемая мною должность ведущего конструктора и должность старшего научного сотрудника, по которой я получал денежное содержание, есть серьёзное штатное нарушение. Поэтому мне предложили, независимо от мнения моего непосредственного командования, перейти либо на должность начальника кафедры эксплуатации и ремонта авиационной техники Рижского высшего военного авиационного инженерного училища им. Я. Алксниса, либо на должность начальника отделения безопасности космических полётов Центра подготовки космонавтов им. Ю.А. Гагарина.

В начале 1968 года мой отец женился. Они поменяли комнату супруги на Проспекте мира и его квартиру в г. Лыткарино на двухкомнатную квартиру в Москве, в Кузьминках. Стало удобно ездить к нам в Люберецкий гарнизон, и я мог чаще посещать их. Однако в 1969 году по упомянутой выше причине нам пришлось переехать в Звёздный городок.

Продолжение следует